

ИДЕОЛОГИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ: ИСТОРИОГРАФИЯ И СТЕРЕОТИПЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

УДК 94(47).073: 316.653 + 930.1

И.Л. Качалов

*УО «Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники»*

Практически ни одна работа по истории России второй четверти XIX в. не обходится без упоминания теории официальной народности. Однако хорошо изученную данную проблему считать нельзя. Характеристике консервативного направления общественной мысли в исторической науке, особенно в советской, уделялось мало внимания. Консервативный лагерь, как правило, был представлен однозначно и по существу оставался своеобразной мишенью для критики и разоблачения его со стороны представителей прогрессивного направления. В этой связи, историография теории официальной народности не менее тенденциозна и идеологизирована, чем общественное сознание. К тому же, события пост-социалистического периода российской истории показали расплывчатость самих критериев консервативности и прогрессивности. Вопрос о том, что для России благо, а что зло остается открытым.

Также стало очевидным, что абсолютизация экономического детерминизма и классовости в оценке исторических событий, столь характерная для советских ученых, очень часто ведет к односторонности выводов и не дает подлинной картины истории. Не отрицая этих принципов, следует учитывать и факторы иного характера, например, идеологические и культурные, которые в некоторых случаях могут оказаться более действенными, чем причины экономические или классовые. Именно с таких позиций мы попытаемся рассмотреть историографические проблемы теории официальной народности.

Первым за научное исследование теории официальной народности взялся историк русской литературы и общественного движения, представитель культурно-исторической школы А.Н. Пыпин, который и назвал систему С.С. Уварова «официальной народностью». В начале 70-х гг. XIX в. в журнале «Вестник Европы» была напечатана серия его очерков под общим названием «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов» [1], затем неоднократно издававшихся отдельной книгой. О теории официальной народности А.Н. Пыпин говорил во вводной части своей работы, а также посвятил ей специальный раздел. Это – хотя и первый, но, несомненно, крупный вклад в изучение данной темы.

Несмотря на то, что у А.Н. Пыпина больше оценок и выводов, чем анализа конкретных фактов, по широте охвата проблем, связанных с теорией официальной народности, его статья не имеет себе равных в отечественной историографии до сих пор. А проблемы эти таковы: причины, вызвавшие необходимость разработки официальной идеологии абсолютизма во второй четверти XIX в.; идейное

содержание теории официальной народности: концепция истории России, представление о русской действительности, политическая программа; связь теории официальной народности с предшествующими идейными течениями, прежде всего, с теорией национальной самобытности России Н. М. Карамзина; ее взаимодействие с другими направлениями общественно-политической мысли того времени; западноевропейский и русский романтизм как мировоззренческая и методологическая основа теории официальной народности; социальная база и причины распространения официальной идеологии в русском обществе; теоретики официальной народности и их деятельность; и, наконец, влияние теории официальной народности на внутреннюю и внешнюю политику российского самодержавия. Таким образом, А.Н. Пыпин с самого начала очертил основной круг вопросов, которые необходимо осветить при исследовании теории официальной народности. Последующая отечественная историческая литература, как дореволюционная, так и советская, по существу не выходила за его рамки.

Кроме А.Н. Пыпина теорию официальной народности и ее последователей характеризовал еще один представитель культурно-исторической школы П.Н. Сакулин. Этому посвящен один из разделов его статьи, вошедшей в много-томное издание «История России в XIX веке» [2]. В оценке лагеря официальной народности П.Н. Сакулин не расходился с выводами А.Н. Пыпина. Он подтверждал неоднородность состава этого лагеря, показывал различие в мотивах деятельности его представителей. Но в трактовке официального понимания принципа народности П.Н. Сакулина можно считать родоначальником иного направления в историографии теории официальной народности. Направления, которое сужало содержание третьего элемента правительственной триады до апологетики крепостничества и, тем самым, оставляло место лишь для критики всей идеологической системы С. С. Уварова.

В 1902 г. вышло юбилейное издание, посвященное 100-летию министерства народного просвещения [3]. Его автор С.В. Рождественский довольно подробно рассматривал деятельность С.С. Уварова в должности министра народного просвещения, показывал, как его система взглядов отразилась на политике самодержавия в области образования [3, с. 220–238].

Систему С.С. Уварова, в плане ее влияния на развитие русской литературы, рассматривал М.К. Лемке в своей известной работе [4]. Историк не дал подробной характеристики составных частей триады, но показал, как программа С.С. Уварова отразилась на состоянии русской литературы. Так, цензурную политику самодержавия он считал непосредственным воплощением на практике положений теории официальной народности [4, с. 85].

В вышедшем в 1911 г. 6-томном юбилейном издании «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем» есть раздел, написанный С.П. Мельгуновым [5]. В нем шла речь об отношении правящих кругов России и их идеологов к крепостному праву, о том, как теоретики официальной народности обосновывали политику Николая I в крестьянском вопросе. В заслугу С. П. Мельгунову можно поставить то, что он, пожалуй, первым указал

на особое положение М.П. Погодина и С.П. Шевырева, отделив «москвичей-редакторов» от Ф.В. Булгарина, Н.И. Греча и О.И. Сенковского [5, с. 3–5].

Из историков русской дореволюционной школы, затрагивавших проблемы теории официальной народности, можно назвать еще А. А. Корнилова [6] и А.Е. Преснякова [7]. Однако их работы не содержали практически ничего нового. Концепцию С.С. Уварова они рассматривали как развитие в новых условиях теории национальной самобытности России, выдвинутой еще Н.М. Карамзиным и призванной оправдать реакционную политику самодержавия.

Некоторые интересные замечания о теории официальной народности содержатся в статье Г.В. Плеханова «М.П. Погодин и борьба классов», вошедшей в его «Историю русской общественной мысли в XIX веке» [8]. В этой статье, которая была написана в 1911 г., Г.В. Плеханов дал обстоятельную характеристику М. П. Погодина как выразителя идей официальной народности. Однако его работа имеет один существенный недостаток. Она во многом посвящена доказательству тождественности теории официальной народности и славянофильства [8, с. 96–97].

Разногласия между славянофилами и теоретиками официальной народности вряд ли можно объяснить, как это делал Г.В. Плеханов, лишь тем, что славянофилы – дворяне, а М.П. Погодин – разночинец [8, с. 96–97, 100]. Классовый подход не раскрывает в данном случае всей сложности их взаимоотношений. Ведь, с одной стороны, среди сторонников официальной народности было немало дворян, а с другой – славянофилы, несмотря на свое классовое происхождение, находились в определенной оппозиции к существующему порядку. На наш взгляд, правы те, кто говорит о существенных различиях идей славянофильства и правительственной идеологии.

Вот, например, как раскрывает эти различия русский философ Н.А. Бердяев [9, с. 2–26]. Он согласен, что те три принципа, которые выдвинула теория официальной народности, признавались и славянофилами. Однако дух, как писал Н. А. Бердяев, был противоположный. В системе официальной народности примат принадлежал принципу самодержавия, православие же и народность были ему подчинены. Кроме того, «народность была сомнительна и претерпела влияние худших сторон западного государственного абсолютизма».

Православие в официальной народности, по мысли Н.А. Бердяева, было не духовное, а внешнегосударственное, в то время как славянофилы «признавали абсолютный примат религиозного начала и искали православия очищенного, не искаженного и не извращенного историческими влияниями». Славянофилы стремились также к выявлению подлинной народности и образ русского народа видели освобожденным от искажений, которые приписывали западному рационализму и государственному абсолютизму.

Н.А. Бердяев указывал, что славянофилы и теоретики официальной народности совершенно по-разному относились к государству. Славянофилы были антигосударственниками и считали государство злом, а власть грехом. «Они защищали монархию на том основании, – писал философ, – что лучше, чтобы один человек был замаран властью, всегда греховной и грязной, чем весь народ. Царь

не имеет прав на власть, как никто не имеет. Но он обязан нести тяготу власти, которую возложил на него народ». Отсюда и русский народ славянофилы считали не государственным, а имеющим религиозное призвание.

Таким образом, выводы Н.А. Бердяева показывают, что явления общественно-политической мысли гораздо полнее объясняются причинами мировоззренческого характера, которые очень часто не совпадают с логикой социально-классового подхода.

Вообще, следует отметить, что ближе всех к раскрытию идейной сути теории официальной народности подошли именно философы. В этом отношении наибольший интерес представляет работа Г.Г. Шпета [10]. Рассматривая теорию официальной народности в контексте истории развития философской мысли России, Г.Г. Шпет поставил перед будущими исследователями целый ряд важных проблем.

Прежде всего, философ обратил внимание на понятие народности, назвав его «наименее ясным» в триаде С.С. Уварова [10, с. 239]. Он задался вопросом о содержании и генезисе этой идеи, предполагая ее непосредственную связь с романтизмом вообще и с исторической школой права, в частности [10, с. 239]. Г.Г. Шпет также указал на необходимость исследования генезиса «общего и политического мировоззрения Уварова» [10, с. 240]. Не считая себя компетентным в этом вопросе, он все же сделал несколько интересных замечаний о влиянии на С.С. Уварова немецких мыслителей конца XVIII – начала XIX в. [10, с. 240–241]. Философ высоко оценил заслуги С.С. Уварова в развитии образования в России, но в то же время отметил половинчатость и непоследовательность его политики, ее несоответствие потребностям исторического момента [10, с. 256–277].

После Октябрьской революции теория официальной народности не стала специальной темой ни одного исследования советских историков, хотя можно говорить о складывании определенной точки зрения на эту проблему. Характеристика теории официальной народности есть во всех учебных пособиях и общих курсах истории России второй четверти XIX в. [11, с. 183–184, 12, с. 274, 13, с. 526, 14, с. 105–106, 15, с. 476–478]. В Большой Советской и исторической энциклопедиях имеются статьи, посвященные ей [16; 17]. Мы остановимся лишь на самых важных работах, внесших что-либо новое в историографию теории официальной народности.

Ценные замечания о правительственной идеологии содержатся в первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР», изданном в 1955 г. под редакцией М.Н. Тихомирова. Здесь наиболее четко поставлена проблема влияния революционного движения в Западной Европе и России на формирование официальной идеологии российского абсолютизма. В книге сделан вывод о том, что теория С.С. Уварова явилась прямым результатом революционных событий 20-х – начала 30-х гг. XIX в. и развивала идею национальной самобытности России применительно к новым условиям [18, с. 317].

Среди советских историков наиболее подробное освещение теория официальной народности получила у С.Б. Окуня в его «Очерках истории СССР»

[19, с. 304–310]. Автор говорил об истории возникновения этой теории, дал характеристику С.С. Уварова, а также других сторонников официального лагеря. Однако с самого начала С.Б. Окунь занял позицию критика, и все, что связано с теорией официальной народности, предстает в его работе в негативном виде. Таким образом, несмотря на то, что С.Б. Окунь уделил теории официальной народности больше внимания, чем другие советские ученые, его исследование не выходит за рамки традиционного представления о ней. К тому же, из-за односторонности оценки официальной идеологии, С.Б. Окунь уступает некоторым своим предшественникам.

Охарактеризовать влияние теории официальной народности на формирование русской национальной культуры в первой половине XIX в. попытался В.В. Познанский [20, с. 141–154]. В своей книге он привел и прокомментировал обширную цитату из юбилейного отчета С.С. Уварова за 1833–1843 гг., Казалось бы, непосредственная работа с таким очень важным источником должна была способствовать раскрытию истинной сути теории официальной народности. Но, к сожалению, автор не смог преодолеть сложившиеся стереотипы. Это относится к сделанному В.В. Познанским выводу о социальной направленности идеологической доктрины С.С. Уварова. Исследователь считал, что задача «охранителей» состояла в том, «чтобы удержать веру в «исконные» начала самодержавия и православия в народе, то есть в массе патриархального крестьянства» [20, с. 145]. Было ли в то время «патриархальное крестьянство» оставшееся безучастным к восстанию декабристов, столь опасным для самодержавия, чтобы разрабатывать для воздействия на его сознание целую идеологическую систему? Если не абсолютизировать идею о классовой борьбе, то ответ на этот вопрос будет, безусловно, отрицательным. Да и в приведенной В.В. Познанским цитате С.С. Уварова говорится о задачах воспитания и образования университетской молодежи, а крестьянство вообще не упоминается. Подобную же ошибку В.В. Познанский делает тогда, когда определяет уваровскую народность как «отношение к народу» [20, с. 145].

Следует также отметить работы Н.П. Ерошкина и М.А. Алпатова. В книге Н.П. Ерошкина внимания заслуживает тот факт, что идеологию абсолютизма автор рассматривал в контексте политической истории России первой половины XIX в. [21, с. 24–59]. Однако при характеристике самой триады С.С. Уварова он повторил уже известные положения [21, с. 52–53]. М.А. Алпатов в своей монографии подробно проанализировал историческую концепцию молодого С.С. Уварова и дал ей довольно высокую оценку [22, с. 231–245]. Но, в то же время, не приводя каких-либо убедительных аргументов, утверждал, что исторические взгляды С.С. Уварова коренным образом изменились после провозглашения им доктрины православия, самодержавия и народности [22, с. 245]. Уже практически на исходе советской эпохи историк русской общественной мысли Н. И. Цимбаев коснулся вопроса об идейных истоках теории С.С. Уварова, сделав вывод о ее связи с романтическим мировоззрением и немецкой классической философией [23, с. 13, 24, с. 30–31].

Таким образом, советская историография была вполне единодушна в оценке теории официальной народности, основное внимание уделяя ее социально-классовой сущности.

В отличие от советских историков, зарубежные авторы уделяли идейным аспектам теории официальной народности гораздо больше внимания. При этом использовались и соответствующие методы исследования. Так, американский историк Э. Таден, изучая распространение в России идей национализма, применил сравнительный анализ терминологии немецких романтиков и русской общественной мысли. Он, в частности, сделал вывод об использовании официальной идеологией многих характерных понятий, которые впервые появились в философии немецкого романтизма [25, p. 502, 520–521].

Зарубежная историография выгодно отличается от советской еще и тем, что единственная работа, полностью посвященная теории официальной народности, принадлежит перу профессора Калифорнийского университета (Беркли) Н. В. Рязановского. В 1959 г., а затем в 1961 г. вторым изданием вышла его монография «Николай I и официальная народность в России» [26]. Автор, находясь на позициях объективизма и привлекая богатый фактический материал, рассматривал официальную идеологию российского самодержавия в контексте европейской и русской истории второй четверти XIX в.

Книга состоит из шести разделов, где исследуются такие проблемы, как Николай I и его ближайшее окружение, идеологи официальной народности и их взгляды, идейное содержание трех составных частей формулы С.С. Уварова, влияние правительственной идеологии на внутреннюю и внешнюю политику самодержавия, место и роль теории официальной народности в русской и мировой истории.

Продолжая изучение взглядов теоретиков официальной народности, в 1960 г. Н.В. Рязановский издал статью, в которой рассматривал отношение двух ведущих представителей правительственной идеологии – С.С. Уварова и М.П. Погодина к Азии, ее роли и значению для мировой цивилизации [27].

Таким образом, в характеристиках, которые давали теории официальной народности русские дореволюционные и советские историки больше всего оценочных суждений. Причем эти оценки основывались на концепциях и ценностях совершенно иного времени. Дореволюционные исследователи, в основном, придерживались либеральных взглядов, ну а советские авторы вообще последовательно отстаивали принципы классовой борьбы. Самодержавие и все, что с ним было связано не вызывало ни у кого из них особых симпатий. Основной упор делался на критику теории официальной народности, при этом, не всегда правильно и полно трактовалась ее суть.

Зарубежная историография теории официальной народности, несмотря на явные преимущества перед исследованиями советских историков, также не лишена недостатков, вызванных стереотипами общественного сознания своего времени.

Отсюда, основная задача наших исследований заключалась в том, чтобы вернуть идейным положениям теории официальной народности тот первоначальный смысл, который вкладывали в них создатели этой теории, освободить ее идейное содержание от наслоений и интерпретаций других эпох [28].

Список источников и литературы

1. Пыпин, А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1871. Кн. 5. – С.233–291; Кн. 9. – С.301–351; Кн. 12. – С.455–514. – 1872. Кн. 5. – С.145–206; Кн. 11. – С.47–97; Кн. 12. – С. 618–678. – 1873. Кн. 4. – С.471–547; Кн. 5. – С.223–274; Кн. 7. – С.222–263.

2. Сакулин, П. Н. Русская литература во второй четверти века / П. Н. Сакулин // История России в XIX веке. Т. 2. – Б. м., Б. г. – С. 443–508.

3. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902. / С. В. Рождественский. – СПб., 1902. – II, 785 с.

4. Лемке, М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. / М. Лемке. – СПб., 1908. – 614 с.

5. Мельгунов, С. П. Эпоха «официальной народности и крепостное право» / С. П. Мельгунов // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. 3. – М., 1911. – С. 1–21.

6. Корнилов, А. Курс истории России XIX века. Ч. II. / А. Корнилов. – 2-е изд. – М., 1918. – 272 с.

7. Пресняков, А. Е. Апогей самодержавия. Николай I / А. Е. Пресняков. – Л., 1925. – 100 с.

8. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли в XIX веке (материалы). Книга первая. Западники и славянофилы. М. П. Погодин и борьба классов / Г. В. Плеханов // Плеханов Г. В. Сочинения. Т. XXIII – М.-Л., 1926. – С. 45–101.

9. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания Париж, 1955 г. / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.

10. Шпет, Г. Очерк развития русской философии. Ч.1. / Г. Шпет. – Петроград : Колос, 1922. – XVI, 349 с.

11. История СССР. Т. 2. Россия в XIX веке / Под ред. М. В. Нечкиной. – 2-е изд. – М. : Гос. изд-во политической литературы, 1954. – 848 с.

12. История СССР с древнейших времен до наших дней, в двух сериях, двенадцати томах. Серия первая. Т. IV. Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в. – М. : Наука, 1967. – 743 с.

13. История СССР с древнейших времен до 1861 года / Под ред. П. П. Епифанова и В. В. Мавродина. – М. : Просвещение, 1983. – 576 с.

14. История СССР XIX – начало XX в. / Под ред. И. А. Федосова. – 2-е изд. – М. : Высш. школа, 1987. – 544 с.

15. История СССР с древнейших времен до 1861 года: Учеб. для студентов пед. ин-тов. / Н. И. Павленко, В. Б. Кобрин, В. А. Федосов / Под ред. Н. И. Павленко. – М. : Просвещение, 1989. – 559 с.
16. Теория официальной народности // Сов. ист. энциклопедия. – М., 1973. – Т. 14. – С. 190.
17. Официальной народности теория // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1975. – Т.19. – С. 27.
18. Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М. Н. Тихомирова. Т. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 691 с.
19. Окунь, С. Б. Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX в. / С. Б. Окунь. – Л. : Изд-во министерства просвещения РСФСР, 1957. – 432 с.
20. Познанский, В. В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века / В. В. Познанский. – М. : Мысль, 1975. – 223 с.
21. Ерошкин, Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.) / Н. П. Ерошкин. – М. : Мысль, 1981. – 252 с.
22. Алпатов, М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII–первая половина XIX в.) / М. А. Алпатов. – М. : Наука, 1985. – 271 с.
23. Цимбаев, Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века / Н. И. Цимбаев. – М. : Изд-во Московского университета, 1986. – 272 с.
24. Цимбаев, Н. И. «Под бременем познания и сомненья...» (идейные искания 1830-х годов) / Н. И. Цимбаев // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников) / Под ред. И. А.Федосова. – М. : Изд-во Московского университета, 1989. – С. 5–47.
25. Thaden, Edvard C. The Beginnings of Romantic Nationalism in Russia / Edvard C. Thaden // The American Slavic and East European Review. – Vol. XIII. – 1954. – N 4. – P.500–521.
26. Riasanovsky, N. V. Nicholas I and Official nationality in Russia. 1825–1855 / N. V. Riasanovsky. – University of California press Berkeley and Los Angeles. – 1959. – 296 p.
27. Riasanovsky, N. V. Russia and Asia: Two Nineteenth-Century Russian Views / N. V. Riasanovsky // California Slavic Studies. – Vol. I. – University of California press Berkeley and Los Angeles, 1960. – P.170–181.
28. Качалов И.Л. Кого же считать теоретиками официальной народности? / И. Л. Качалов // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А. Ю. Бендин. – Мн. : Экономпресс, 2006. – С. 252–287.